

Масштабно, как «Залив Толуэй»

1837 год, Австралия. Первые поселенцы прибыли сюда в поисках новых плодородных земель. Они претендуют на территорию, что веками принадлежала туземцам. Для тех белые люди — захватчики и эксплуататоры. Юная Кейт верила, что аборигены — жестокие и дикие, их мир — первобытный хаос. Однако все изменилось для нее после встречи с Бронзвинном... Молодой и пылкий, он родился в семье белых поселенцев, но был воспитан племенем аборигенов. И теперь он готов умереть за то, чтобы защитить их мир от таких, как Кейт. Чужакам не стать хозяевами этой земли. Однако среди тех, кого он считает своими, Бронзвин — такой же чужак, белая ворона. Он хочет быть рядом с Кейт, там его истинное место, его дом. На этих диких землях легко сбиться с пути, не отличив друга от врага...

Увлекательная история о храбрости,
верности и любви.

Amazon

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-7936-0

9 786171 279360

НИКОЛЬ
АЛЕКСАНДЕР

Дикие земли

НИКОЛЬ
АЛЕКСАНДЕР
Дикие земли

НИКОЛЬ
АЛЕКСАНДЕР

NICOLE
ALEXANDER

Wild Lands

A NOVEL

НИКОЛЬ
АЛЕКСАНДЕР

Дикие земли

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2021 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821(94)
А46

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Публикуется при содействии
Curtis Brown UK и *The Van Lear Agency*

Переведено по изданию:
Alexander N. Wild Lands : A Novel / Nicole Alexander. — Sydney :
A Bantam book, 2015. — 432 p.

Перевод с английского *Владимира Скоробогатова*

Дизайнер обложки *Петр Вихорь*

ISBN 978-617-12-7936-0
ISBN 978-1-74275-988-3 (англ.)

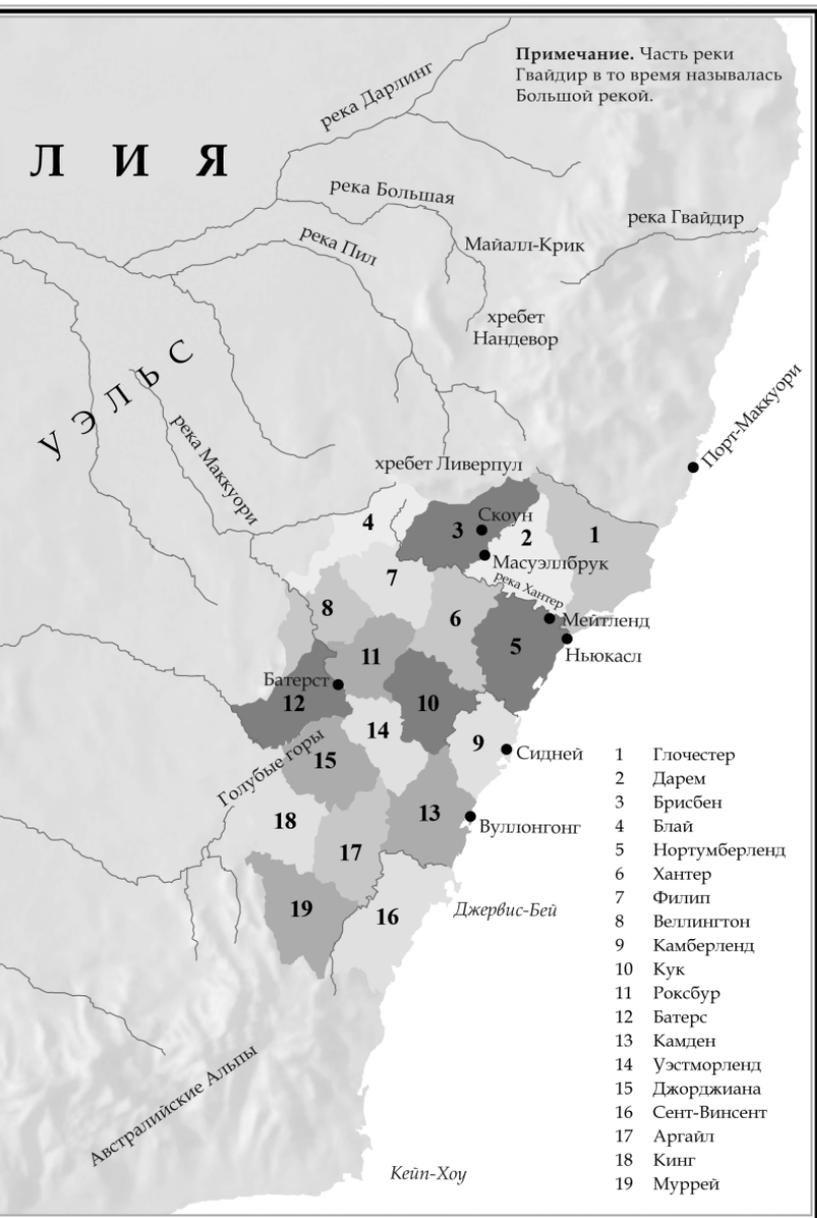
© Nicole Alexander, 2016
© DepositPhotos.com / kwest, об-
ложка, 2020
© Hemigo Ltd, издание на русском
языке, 2021
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», перевод и художествен-
ное оформление, 2021

Скотовод в четвертом поколении, Николь Александер вернулась к семейному пастбищно-животноводческому хозяйству в начале 1990-х годов. В настоящее время она — коммерческий управляющий этим хозяйством. Николь имеет степень магистра по специальности «Литературное творчество», ее романы, стихи и статьи о путешествиях и генеалогии издавались в Австралии, Германии, Америке и Сингапуре. Она является автором пяти опубликованных романов.

Австралия около 1837 г.

ЛИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В истории многих цивилизаций случалось так, что захватчики покоряли коренное население, желая завладеть его землями, и в конце концов им это удавалось ценой кровопролития. И Австралия здесь не представляет исключения. На таком фоне и разворачиваются события романа «Дикие земли» — история женщины, живущей на дикой земле и преисполненной обиды и на белых, и на чернокожих.

Хотя эта книга — плод художественного вымысла, многие основные события и господствующие настроения той эпохи почерпнуты из документальных источников. Однако это не означает, что все столкновения, описанные в романе, происходили и именно в тех местах, которые названы в повествовании.

В своем романе я попыталась отразить интересы как черных, так и белых людей, и в этом отношении я чрезвычайно благодарна мистеру Теду Стаббинсу за внимательное прочтение рукописи и ценные замечания относительно описания коренных австралийцев. Я также выражаю благодарность следующим организациям: Университету Новой Англии и региональных архивов (UNERA) в Армидейле, чье собрание рукописей принесло мне неоценимую пользу; музею *The Inverell Pioneer Village*; Культурному центру Совета по аборигенным землям в Ашфорде; галерее *Keeping Place & Art Gallery*; Историческому обществу и музею округа Бингара. Кроме того, спасибо волонтерам из *Old Government House Parramatta* и *Parramatta Visitor's Research Centre*, которые не жалели своего времени, помогая мне. Как всегда, я пользовалась архивами семейства Александер.

Поскольку во мне течет кровь четырех поколений скотоводов, я живо интересуюсь проблемами землеустройства в прошлом и настоящем. Было очень интересно узнать об отношении коренных жителей Австралии к земле и об изменениях в австралийском ландшафте, которые произошли после прибытия белых поселенцев. Хотя я и белая, земля поет и для меня.

Действие «Диких земель» происходит во время отмеченного в документах истребления аборигенов при Ватерлоо-Крик и Майалл-Крик. В побоище при Майалл-Крик близ Бангары на севере Нового Южного Уэльса 10 июня 1838 года колонисты убили 28 безоружных коренных австралийцев. Семерых колонистов признали виновными в этом и повесили. Хотя эта резня подробно не отображается в тексте и не имеет прямого отношения к главным событиям книги, я упоминаю о ней ради тех читателей из коренных австралийцев, для которых ее описание могло бы стать слишком тяжелым.

Как всегда, благодарю Дэвида, мою семью и друзей за поддержку во время работы над этой книгой. Спасибо издательству *Penguin Random House*, моему издателю Беверли Казинс, ответственному редактору Брендону Вановеру, агенту по рекламе Эрин Сеймур и моему литературному агенту Таре Уайнн за профессионализм, ценные замечания и дружбу. Хочу попрощаться с Бреттом Осмондом, бывшим руководителем отдела маркетинга в издательстве *Penguin Random House*. Как писательница, имея Бретта на своей стороне, я чувствовала себя так, будто могу покорить весь мир. Спасибо, Бретт.

Наконец, я благодарна многим отечественным и зарубежным библиотекам и книготорговцам, моим друзьям и читателям, старым и новым.

Я многим обязана следующим текстам и рекомендую их в качестве дополнительных источников информации:

John Connor. *Australian Frontier Wars, 1788—1838*

Henry Reynolds. *Forgotten War*

- Bush tucker, Boomerangs & Bandages*, compiled by Michelle McKemey and Harry White
- Sticks and Stones*, compiled by Tony Sonter and Harry White
- Laurie Barber. *Massacre at Myall Creek*
- Roger Milliss. *Waterloo Creek: The Australia Day Massacre of 1838. George Gipps and the British Conquest of NSW*
- Bill Gammage. *The Biggest Estate on Earth: How Aborigines made Australia*
- J.T. Wearne. *Bingara 1827–1937*
- Bruce Elder. *Blood on the Wattle: Massacres and Maltreatment of Aboriginal Australians Since 1788*
- Eric Rolls. *A Million Wild Acres*
- Pioneers of the North West Plains*, compiled by Kath Mahaffey
- Manning Clark. *A Short History of Australia*
- Thomas Keneally. *Australians: Origins to Eureka*
- Theo Barker. *A History of Bathurst, Volume 1: The Early Settlement to 1862*
- Terry Kass, Carol Liston and John McClymont. *Parramatta: A Past Revealed*
- Olga Tatrai. *Wind & Watermills in Old Parramatta*
- Geoffrey Dutton. *The Squatters*

ПРОЛОГ

1817 ГОД,
НА СКЛОНЕ ГОРЫ

Флоренс распахнула сделанную из коры дверь хижины. В густом кустарнике она заметила некое движение: что-то черное на черном под поздно взошедшей луной. Она стояла неподвижно, ожидая, что человек покажется сам. Наконец он вышел из густого кустарника и встал на камень на противоположном берегу ручья. Это был черный мужчина с широкой грудью и тонкими ногами. Наблюдая за хижинкой, он опирался на длинное копьё. Между ним и Флоренс тянулась залитая лунным светом земля, деревья отбрасывали густые тени, поблескивала вода в ручье. Флоренс одернула платок, свисающий с плеч, и повернулась, чтобы посмотреть на сына. Шестилетний мальчик все еще спал.

Черный мужчина появился после того, как ушел ее муж. Мушкета для защиты у нее не было, только крепкая ветка, стоявшая у двери, которая годилась на то, чтобы убивать змей и пауков, но не туземцев. Как ни странно, она стала привыкать к виду черных людей, усаживавшихся на противоположной стороне неширокого ручья. Этот пришел около полуночи, когда вокруг было так тихо, что даже самые слабые звуки казались необыкновенно громкими. Обычно это происходило в одно и то же время, когда огонь в хижине затухал, а боль в пояснице заставляла Флоренс подняться с земляного пола. Теперь, когда ночи стали холодными, ее сын Адам начал капризничать. Ему все время хотелось

есть, а во сне он брыкался и ворочался, как скулящий щенок в поисках материнского соска.

Поросшую травой поляну окаймляли низкорослые деревья, а на краю лежал большой плоский камень, который черный считал своим. Он не двигался. Наблюдал за ней, наблюдавшей за ним. Очевидно, сегодня ему тоже было холодно, так как темный торс был прикрыт шкурой животного. Эта накидка, украшенная странными узорами, подчеркивала то, какими тонкими и костлявыми были его ноги.

Флоренс вытерла свой мокрый нос. Уже в четвертый раз она сталкивалась с этим дикарем, который следил за ней с некоторого расстояния, и каждую ночь, как сегодня, она пряталась от него за плохо пригнанной дверью, а сердце у нее замирало от страха.

Адам проснулся. Сейчас он сидел, тер глаза, жаловался на холод и голод. Она уговорила мальчика снова лечь спать, пообещав, что Том скоро вернется, и стала подкладывать в огонь дрова, пока пламя не разгорелось как следует. Она слышала истории о том, как белых закалывали копьями, как дружественные туземцы превращались в убийц.

На стороне колонистов стоял закон, а губернатор был скор на расправу, однако на стороне ее, Тома и мальчика никого не было. Флоренс потрогала ожерелье на шее. Она нашла эти раковины в прибрежном песке, пока присматривала за детьми капитана Харбисона, а потом нанизала их на бечевку. Это была единственная ценная вещь, которой она когда-либо владела; украшение напоминало ей о прежней жизни.

На следующее утро Адам, сидя на полу хижины, выбрал один из двух белых камешков и переложил его в другую кучку. В недельной кучке стало шесть камешков.

— Завтра воскресенье.

— Да, воскресенье. — По правде говоря, Флоренс не знала, какой сегодня день. Она с трудом подняла с земли свое больное тело, открыла дверь хижины и выглянула наружу.

На берегу ручья на камне грелась большая ящерица. Не успела Флоренс его остановить, как мальчик бросился мимо нее к кромке воды и стал метать в ящерицу палочки. В кустах за их жилищем, построенным возле кривого дерева с ободранной корой, было тихо.

Утро выдалось холодным. Холод не пронизывал до костей, как в метрополии, однако было достаточно зябко, чтобы чувствовать скованность в суставах и желать более теплой погоды. Теснота их жилища угнетала Флоренс, и все же она боялась того, что находилось за пределами их мирка. Укромная поляна, которая служила им домом последний месяц, представляла собой два клочка земли, поросшей травой, между которыми тек ручей, а по обеим его сторонам рос кустарник. Чтобы добраться до этого места, они две недели продирались сквозь буш, пересекали глубокие каменистые лощины, и во время этого путешествия Тому и мальчику зачастую было легче брести по воде вдоль берега, чем бороться с густым кустарником. Усталость вынудила их остановиться здесь. Место не хуже других, чтобы переждать зиму.

В животе у Флоренс бурчало, и она подумала о тающих запасах в углу хижины: две картофелины, фунт муки, немного чая и сахара. Она могла прожить и на меньшем. Когда Том убежал, он уговорил ее и мальчика присоединиться к нему, и неделю они прятались на окраине поселения, под уступом скалы. Каждый день они съедали по полоске вяленой баранины и бережно расходовали воду, которая капала с уступа в котелок емкостью в кварту. И каждый день Адам радовался своему участию в большом приключении, однако оно слишком уж затянулось. Том сменил одну тюрьму на другую. Здесь, далеко от дома, все они оказались в рабстве у неизвестной земли.

— Мама, мама!

Флоренс заставила сына замолчать, показывая на кустарник, который неясно вырисовывался вокруг них. Мальчик нахмурился, поджал губы и затопал ногами. Для своего

возраста он был маленьким, его темно-русые волосы уже становились жесткими. Лицом он был похож на своего отца. Капитан Харбисон заботился о каторжниках, но взамен требовал вознаграждения. Несколько месяцев Флоренс удовлетворяла его похоть в полночь в кладовой, прижимаясь лицом к мешку с пшеницей. И хотя капитан никогда не смотрел ей в глаза, по правде говоря, Флоренс нисколько не возражала против внимания, которое он ей оказывал. Но потом на ферму прибыл Том Фосси. О, это был прекрасный человек, от которого трудно было отвести взгляд. Слишком хороший, чтобы быть таким же каторжником, как она. Он притягивал ее, как муху горшок с медом, и в результате они убежали, не думая о последствиях. Адам снова позвал ее. Она предупреждающе подняла руку, угрожая отшлепать. Если их найдут, то ее избьют до полусмерти, а Тома закуют в железо и в лучшем случае отправят к группе заключенных, скованных одной цепью.

Флоренс расхаживала по берегу ручья, изучая разные предметы. Адам приносил ей блестящие камешки, пучки травы, пригоршни илистого ручейного песка.

— Сколько времени мы пробудем здесь? — в сотый раз спросил Адам.

— Пока Том не вернется.

Этот человек уговорил ее бежать с ним, так ведь? Так почему же Флоренс преследовала навязчивая мысль: не бросил ли он их? «Одна ночь», — сказал он. «Не успеешь оглянуться, как я вернусь», — пообещал Том. «Ты же знаешь, что он отправился на поиски пищи», — напомнила она себе. Флоренс подыскивала ребенку тихие занятия, особенно теперь, когда из-за ручья за ней наблюдал черный человек. Последние несколько дней Флоренс взяла в привычку регулярно осматривать окружающий ландшафт. Она частенько оглядывалась через плечо, уверенная, что за ними кто-то следит, но видела разве что убегающих животных, и ее наилучшие мысли сопровождал лишь птичий щебет.

— А что, если он не вернется?

— Он вернется, — резко ответила Флоренс, не зная, кого она пытается убедить. С Томом могло произойти все, что угодно. Не исключено, что в этот самый момент он лежит в канаве с проломленной головой. А может быть, до него добрались черные. Флоренс сглотнула.

Чтобы разжечь костер из остатков углей, Флоренс насобираала веток и теперь смотрела, как разгорается огонь и бело-серый дым поднимается в воздух. Адам добавил собственную кучку растопки и время от времени подбрасывал веточки в огонь.

— Нам надо вернуться домой. — Адам поворошил костер тонкой палкой.

Флоренс поставила котелок на огонь. Чаинки, оставшиеся с прошлой недели, забулькали в воде.

Воспоминания Адама относились к крыше над головой, к кусочкам хлеба с жиром. Он не помнил остального — телесных наказаний, изнуряющего труда, мытарств. Флоренс часто думала о своей прошлой жизни, поскольку дикая природа этих мест заставляла человека тосковать по тому, от чего он убежал. Она посмотрела на опушку, где в последний раз видела Тома, и Адам помог ей замесить муку с водой на куске коры. Они налепили тесто на две палочки, и Флоренс положила их на костер. На углях нехитрая пища быстро приготовилась, и они дочиста обгрызли палочки, завершив трапезу чаем из общей жестяной кружки, которую передавали друг другу, а потом умылись в ручье.

Когда они повернули назад, то обнаружили черного. Он стоял между костром и хижинкой и держал в руке оставшийся сверток с сахаром. Флоренс прижала Адама к себе. Черный не сдвинулся с места. Свое копьё он прислонил к стене хижины. Вблизи он оказался среднего роста, с широким носом и толстыми губами. Флоренс решила, что ему под тридцать. Кожа вокруг его глаз была белее белого. Не отводя взгляда, он бросил в костер кусок мяса. Флоренс покосилась

на шипящее мясо, не сводя с черного глаз, а он схватил свое оружие и тихо исчез в кустах.

Адам вырвался из материнских рук и побежал вслед за ним.

— Ты что делаешь? — закричала Флоренс, догоняя его. — Ты заблудишься, если сделаешь туда хоть один шаг.

Адам остановился на краю буша. Флоренс грубо дернула его за ухо, и мальчик громко завопил. Его тонкий голос разнесся эхом.

— Тихо! — Она нервно посмотрела в том направлении, куда скрылся черный. — А что, если там их много, а? А ты тут скулишь, как собака. Сообщаешь всему свету, что мы здесь.

Мальчик затих.

— Мама, а если Том не вернется?

— Как он может не вернуться? Вот. — Она сняла с шеи ожерелье из ракушек и повязала его на запястье ребенка. — Это для меня особая вещь, Адам, так что заботься о ней.

Они стояли у самых кустов, их изношенные башмаки попирали границу между известным и неизвестным.

Мать и ребенок осторожно отступили.

У мяса был сильный запах, как у залежавшейся баранины. Флоренс не желала к нему прикасаться. Ей хотелось бросить его на землю и растоптать. Вместо этого она отправилась в хижину и проверила немногие оставшиеся пожитки. Он взял лишь немного сахара, и Флоренс нехотя признала, что обмен был более чем честным. Они сели на землю у костра и стали тыкать в жарившееся мясо палкой.

Флоренс принесла из хижины нож, завернутый в тряпку. Она развернула тряпицу, и показалась костяная рукоятка прекрасной работы. Нож она прихватила у Харбисона перед самым бегством. Мясо было жестким и жилистым, однако нож легко прошел через него, оставляя зазубрины на тарелке из коры. Они с жадностью поели, ухмыляясь друг другу, пока сок тек с их подбородков.

Этой ночью Флоренс лежала на спине в хижине рядом с мальчиком. У нее болели голова и суставы, и она опасалась,

что черный отравил их. Она потрогала рукой лоб Адама. Сын был в полном порядке и мирно спал. Хвала небесам за эту милость. Недуг напал на нее после полудня, затем ее начало лихорадить, а теперь била дрожь. Сейчас ей хотелось пососать сахара, хотелось, чтобы Том вернулся. Ей даже хотелось вернуться к прежним временам, когда Том еще не запал ей в душу. Ранним утром болезнь немного отступила. Флоренс выползла наружу, чтобы посмотреть, наблюдает ли черный за хижинкой, однако луна взошла поздно, и различить его фигуру среди теней было невозможно. Даже он их покинул.

Она горько рассмеялась и вернулась в свою впадину в земле. Дым от очага медленно поднимался вверх и выходил через отдушину в крыше из коры. Флоренс устала от яркого лунного света, от звезд, которые так и не смогла полюбить. Она свернулась калачиком и стала ждать утра.

Утром мир тонул в густом тумане, скрывавшем ручей и укутавшем землю дымчатой белой пеленой. Она слышала какой-то шум, какую-то речь, но туман искажал звуки, и невозможно было понять, с какой стороны они доносятся и с какого расстояния. Это могли быть только черные. Эта мысль заставила ее напрячься, но она с благодарностью посмотрела на туманное марево. Сейчас туман прятал хижину от чужих глаз. Осторожно отступив в хижину, Флоренс закрыла дверь, затянула накидку на плечах и положила рядом с собой толстую ветку, которую Том оставил ей для защиты. Она могла только надеяться, что туман не рассеется достаточно долго, чтобы черные ушли восвояси.

Внутри хижины забеспокоился Адам:

— Кто там?

— Черные. — Флоренс испекла одну драгоценную картофелину, чтобы Адам вел себя тихо, но как только мальчик поел, он встал на колени и выглянул наружу сквозь щель между плохо пригнанными кусками коры.

— Я ничего не вижу. — Он сел на земляной пол. — Я хочу выйти наружу.

— Тише, малыш! — И тут она подумала о костре. Даже если они не могли увидеть хижину, те, кто бродят неподалеку, унюхают дым и учуют запах пищи.

— Мама, что там делается?

Глухой удар какого-то предмета в стену лачуги заставил Адама умолкнуть. Звук повторился еще раз и еще.

— Оставайся тут, — мягко произнесла Флоренс. — Иди туда. — Она показала на угол. — Пусть костер будет между тобой и дверью, хорошо?

Адам передвинулся к дальней стенке, и раковины на его тонкой ручке загремели. Взяв палку, Флоренс глубоко вздохнула и вышла наружу.

В стелящемся тумане ждали пятеро черных: разного возраста, пузатые, с косматыми волосами. Каждый был вооружен копьем или дубинкой, а у одного через плечо была перекинута туша кенгуру. Предводитель грубо заговорил с Флоренс, размахивая рукой, будто она совершила какой-то проступок. Она стояла на месте, сжимая в руке толстую ветку, а другие мужчины что-то раздраженно говорили ей, широко открывая рты, и было видно, что передние зубы у них отсутствовали. Она подняла ветку, как бы прогоняя цыплят:

— Уходите!

Один мужчина выдвинулся вперед и ударил ее дубинкой. Флоренс зашаталась и упала. По лицу потекло что-то липкое, и на мгновение ее зрение притупилось. Ошеломленная, она приподнялась, опираясь на локти, и поползла к хижине. Толкнув дверь, она ощутила приступ дурноты. Флоренс посмотрела на дальнюю стену. В ней отсутствовал кусок коры.

Адам исчез.

Черные обшарили хижину, переступили через Флоренс и двинулись к ручью. Собрав оставшиеся силы, она перевернулась на бок и смотрела, как нападавшие скрылись в кустарнике. Они несли одеяла и котелок, но никаких следов мальчика не было. Ручей звонко журчал. Она не знала, как долго пролежала на земле, но утро было солнечным

и ярким. Флоренс впервые подумала, какое это красивое место, какое тихое. Земля становилась теплее, словно готовясь принять ее.

Каное появилось, как привидение. Оно вплыло в ее поле зрения, бесшумно скользя по ручью, несомое неведомой силой. В нем сидел черный. Черный человек, стоявший ногами на камне, тот, который принес ей мясо. Он взглянул на нее.

Сидевший за ним белый ребенок — мальчик — вытянул руку и окликнул ее.

Флоренс закрыла глаза.

Мы воюем с ними: они считают нас врагами, пришельцами, угнетателями и гонителями и сопротивляются нашему вторжению. Они никогда не подчинялись иноземцам, поэтому они не бунтовщики, а понесшая урон нация, которая по-своему защищает свои законные владения, отнятые силой.

*Слова, приписываемые колонисту
Джеймсу Эрскину Калдеру, 1831 год*

ГЛАВА 1

Десять лет спустя

ИЮНЬ 1827 ГОДА,
В ВОСЬМИ МИЛЯХ К ЗАПАДУ ОТ СИДНЕЯ

Сквозь прикрытое ставнями окно струился освежающий ветерок, неся сладковатый запах дождя. Десятилетняя Кейт Картер лежала и слушала, как стучат капли по крыше и завывает динго. В третий раз за множество ночей она слышала дикую собаку, и ей было любопытно, чувствует ли та себя такой же одинокой, как она. Слева от нее одна из двух женщин, находившихся в этой тесной комнате, кашляла и бормотала во сне. Сбросив с себя грубое одеяло, Кейт направилась к изножью кровати. Утрамбованный земляной пол под босыми ногами охлаждал ступни. Ее ладонь скользнула по грубо оштукатуренной стене, выступающие осколки раковин царапали руку. Она бесшумно дошла до края комнаты и остановилась у окна, выходившего в сад. В комнате, которая соседствовала с кухней, стояли запахи вареной баранины и полного ночного горшка, однако открытая дверь позволяла жару очага выходить наружу, и Кейт с удовольствием посмотрела на тусклые угольки.

Она открыла ставни и оперлась руками о подоконник. На краю сада в пятнах лунного света поблескивала смоковница, ее зеленые листья сверкали от влаги. Высокое дерево, казалось, доставало до небес, а верхние ветви касались звезд. Дерево было покрыто густой листвой, но с самой высокой

ветви открывался прекрасный вид на окрестности. Ферму преподобного, на которой жила Кейт, окружали другие фермы, и в округе жило много аборигенов и разбойников. Не далее как в прошлом году один из лучших домов в округе, Бервуд-Хауз, ограбили, а преступников схватили и повесили. Двух женщин, с которыми она делила комнату, послали смотреть на это вместе с другими каторжниками, чтобы напомнить, как печально заканчиваются подобные предприятия, однако женщины сочли это приятной прогулкой, позволившей им несколько часов отдохнуть от работы.

Кейт оторвалась от мыслей о туго натянутых веревках и дергающихся ногах и вообразила себя на вершине смоковницы. Она подумала, что если посмотрит на запад в сторону Парраматты, то сможет увидеть кладбище, на котором похоронен ее отец. Сидя на верхних ветках в окружении птиц и листьев, она говорила с ним, сообщая о разных событиях, которые наполняли ее дни. Конечно, она никогда никому не рассказывала об этих беседах, даже своей матери. Она пообещала отцу, что это будет их секретом, и Кейт гордилась тем, что есть нечто особенное, известное только ей и отцу.

Вчера она рассказала ему, что учится делать шляпы из листьев капустного дерева¹. Преподобный заставлял каторжанок плести из листьев широкополые шляпы, которые носили почти все. Ее мать говорила, что он неплохо зарабатывает, поставляя их свободным поселенцам и каторжанам, однако это не было его главным занятием. Преподобный был еще и фермером. Каторжники шутили, что он — пресвитерианский пастор со склонностью к торговле, но почему все на ферме называли его преподобным, Кейт не знала.

Небо было темным, и Кейт не могла разглядеть толстые корни, расползавшиеся от подножия смоковницы, как

¹ Капустными деревьями называют несколько разных видов тропических растений, листья у которых растут пучками на концах веток. (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.)

щупальца, но было нетрудно представить себе углубление с тыльной стороны дерева, где она однажды сидела после того, как спустилась с верхних ветвей. Сегодня ночью у подножия дерева должно быть холодно, холодно и сыро. Кейт представлялось, что в мире есть всего два места, которые принадлежат только ей: смоковница и соломенный тюфяк, лежавший рядом с тюфяком Мадж. Когда был жив отец, у нее была собственная комната в маленьком каменном доме с дверью из коры. Его смерть все изменила.

Лежавшие позади нее на полу кухарка Ламбет и судомойка Мадж похрапывали и бормотали во сне. Кейт высунулась из окна. Мелкие капли дождя падали ей на лицо и руки. Она подняла голову к небу, теперь капли покалывали кожу и высунутый язык. Девочка облизала губы и улыбнулась. Воздух наполнялся приторным запахом мокрой земли. Неяркая белая вспышка — это похожая на привидение сова пролетела перед окном, чтобы усесться на куче дров неподалеку. Дождь усиливался, и порыв ветра с громким стуком захлопнул ставни.

— Что ты там делаешь? — В темной комнате голос Ламбет прозвучал особенно грубо. — Уходи оттуда, а не то мы все заболеем.

Ветер нарастал, и ставни яростно захлопали. Кейт закрыла их на задвижку и пробормотала извинения.

Мадж, девушка восемнадцати лет, быстро вскочила с постели. Она схватила Кейт за ухо и повела назад к тюфяку.

— Ой-ой-ой, — пропищала Кейт.

— Я говорила тебе, она встает по ночам, — резко сказала Мадж. — Шастает по дому, сует свой любопытный нос в чужие дела, может, доносит на нас преподобному. На место! — Девушка толкнула Кейт, и та упала на тюфяк. — Думаешь, ты лучше нас, а? — Мадж схватила одеяло Кейт. — Давай сюда!

— Я же не делала ничего плохого, — захныкала Кейт, потирая ухо.

— Сколько раз я тебе говорила держать ставни закрытыми? — с раздражением сказала Ламбет. — Кто угодно может залезть через это окно, грабители и прочие.

Мадж фыркнула:

— Что ж, если какой-нибудь симпатичный разбойник запрыгнет в это окно, чур, он мой.

— Ты такая же плохая, как эта девчонка, — пожаловалась кухарка. — А теперь обе спите.

Кейт смахнула с глаз слезы. Лучше не отвечать. Иначе получишь пощечину или затрещину, а ее матери есть о чем тревожиться помимо заботы о Кейт. Хотя Кейт изо всех сил старалась скрыть правду о том, что происходит в их новом доме, время от времени складка между бровями матери становилась глубже, и она смотрела на дочь с недоверием. Кейт полагала, что поблизости слишком много деревьев, на которые можно залезть, а потом свалиться. Она повернулась на бок и подтянула колени к груди.

Ламбет и Мадж часто говорили о Кейт и ее матери Лесли, и в такие минуты они не очень-то заботились, слышит их Кейт или нет. Похоже, они знали историю каждого человека. Независимо от того, был ли ты губернатором, солдатской женой или свободным поселенцем, эти две каторжанки, заправлявшие кухней, знали все обо всех, и о Кейт они знали больше, чем сама девочка.

Они регулярно напоминали Кейт, что родители ее матери были из первых свободных поселенцев колонии, тогда как ее отец — лишь помилованным каторжником. По мнению Ламбет и Мадж, раз Кейт и ее мать были свободными уроженцами этой страны, то считали себя выше других. Много выше всех остальных работников на ферме преподобного — каторжников, обязанных тяжело трудиться по четырнадцать и больше часов в день. Мать советовала Кейт ничего на это не отвечать, хотя, конечно, каторжники стояли ниже их, особенно сладкоречивые лондонские женщины сомнительной репутации, сосланные в колонию. «Это вопрос иерар-

хии», — объяснила мать. Кейт до сих пор не знала, что означает это слово.

Вскоре в комнате стало зябко. Кейт робко потянулась за одеялом, однако Мадж уже завернулась в него, и хотя она спала, но одеяло держала обеими руками. Ничего не оставалось, как соврать о том, где она была, и дрожать, согреваясь теплом кухонного очага. Кейт тихонько встала с постели, прихватив свалившуюся на пол накидку Ламбет. Стараясь не споткнуться о мешки с пшеницей, которые лежали у стены, она отправилась на кухню, набросив на плечи накидку. В большой печи тлели головешки, и несколько поленьев, которые она положила на теплящиеся угли, быстро занялись пламенем.

Кейт села, скрестив ноги, на накидку Ламбет и стала смотреть на пляшущие языки пламени. Если бы отец был здесь, он посоветовал бы Кейт держать хвост пистолетом и быть благодарной за крышу над головой и еду. При мысли о нем она почувствовала себя немного лучше и стала вглядываться в каменный очаг, который был достаточно велик, чтобы она могла в него войти. На внутренних полках стояли котлы и сковородки, а сверху свисали большие железные ухватки, которые можно было двигать взад и вперед, чтобы подвешивать на них котлы над огнем. Может, Ламбет и не была самым милым созданием на свете, однако она готовила вкуснейшее рагу из мяса птицы, кенгуру и поссума. Кусочки картофеля и мяса плавали в чудесной густой подливе, а специальностью ее была тушеная печень под соусом. Даже преподобный заявлял, что от ее бульона из костей невозможно отказаться.

Дым клубился и выходил в отверстие, проделанное над огнем в потолке из коры. Бессонница началась у Кейт через несколько недель после смерти отца. Сначала ее будил среди ночи плач матери, а потом — звук ее шагов, пока Лесли расхаживала по маленькой гостиной, которая была ее гордостью. Какой бы ни была причина, Кейт привыкла просыпаться,

когда дом спал, а поскольку в течение дня Ламбет пристально наблюдала за ее передвижениями, она получала удовольствие от ночных блужданий. Набросив накидку Ламбет на плечи, она открыла кухонную дверь. Служившая ступенькой каменная плита леденила ноги, а дождь усилился. Крупные капли падали на узкую земляную тропинку, которая вела к коттеджу, и грязь забрызгала ее ноги. Дом был запретной зоной для всех, за исключением тех, кому поручали специальные задания, например уборку, подачу еды и заботу об огне. Это правило представляло особую проблему для Кейт, чья мать обитала во второй спальне коттеджа.

Вытирая капли дождя со щек, Кейт побежала по тропинке к коттеджу. Под босыми ногами чавкала грязь. Интересно, спит мать или нет? В прошлом, когда она пробиралась в коттедж, под дверью нередко виднелся свет, однако она не осмеливалась побеспокоить мать. Ей хватало того, что она сидела снаружи возле комнаты матери и вспоминала, что такое быть одной семьей, пока не накатывала сонливость и Кейт не чувствовала себя готовой вернуться в постель. Ручка входной двери с легкостью повернулась. Кейт вытерла одну ногу о другую и вошла в скудно обставленную гостиную. Комната тонула в полутьме. Девочка быстро закрыла дверь, подождала, прислушиваясь, а затем на цыпочках подошла к очагу. Кейт было ясно, что преподобный отправился в постель совсем недавно. В воздухе висел запах масляной лампы, на столе лежала раскрытая Библия, а аккуратно сложенный сюртук преподобного покоился на спинке двухместного дивана.

Раздался раскат грома, за ним последовала вспышка молнии. Кейт вздрогнула, когда беленые стены озарились ярким светом, подчеркнувшим простое убранство комнаты и озарившим мушкет, который висел на скобах над каминной полкой. Капли влаги окропили деревянный пол. Кейт разложила накидку на стуле для просушки, а потом согрела руки у огня. Она знала, что ее ждут ужасные неприятности,

если ее поймают в коттедже, но тут уж ничего не поделаешь. Свою мать Кейт видела нечасто. Она всегда была занята: записывала проповеди, которые диктовал преподобный, и занималась домашним хозяйством. Ламбет говорила, что Лесли Картер не должна спать под одной крышей с преподобным, однако это мало волновало Кейт, за исключением того, что места для нее здесь не было.

Из-под двери материнской комнаты по-прежнему пробивался свет. Над головой гремел гром, и Кейт положила ладонь на деревянную раму. Кейт была уверена, что в те мгновения, когда буря стихала, она слышала внутри шуршание и приглушенные голоса. Возможно, мама молилась, ведь люди говорили, что преподобный занимается этим днем и ночью. Однако она слышала два голоса — мужской и женский, ее матери и... Кейт крепко прижалась к холодной замочной скважине, пытаясь заглянуть внутрь, и под ее весом дверь приоткрылась. У нее перехватило дыхание, но движение осталось незамеченным на фоне разбушевавшегося шторма.

Мать сидела на краю кровати. Пряди черных волос одна за другой падали на ее плечи, когда она вынимала шпильки и складывала их на покрывало. Масляная лампа освещала ее тусклым желтым сиянием, и на мгновение Кейт подумала, что ее красавица-мать похожа на ангела, как она их себе представляла. Рядом с ней на сером одеяле лежала щетка для волос, которой Кейт расчесывала волосы матери до того, как они попали к преподобному. Кейт часто думала о том, как бы прокрасться в эту комнату. Это напомнило бы о прежних временах, когда еще был жив отец. Тогда она становилась на колени за спиной матери и расчесывала ей волосы, пока отец курил трубку и рассказывал о том, на какой выход чистой шерсти он надеется или когда понадобится дождь для только что посеянной пшеницы. Сто взмахов щеткой. Мать вслух считала каждый взмах, и Кейт повторяла числа. Так она научилась считать.

Мать провела длинными пальцами по волосам и покрутила головой. Снаружи яростно ревел ветер. Наверняка мать позволит ей остаться здесь на ночь, позволит Кейт прижаться к ней. Разве со времени их прибытия она не делала все, о чем просила мать? Ее было не слышно и не видно, как того требовал преподобный. Кейт уже собиралась войти в спальню, когда белая вспышка молнии осветила комнату. Вслед за раскатом грома послышался мужской кашель. Когда Кейт осторожно заглянула за дверь, у нее расширились глаза.

— Всегда ищи утешение в религии, моя дорогая, —ставлял мать преподобный с другого конца комнаты. В руке он держал подсвечник с оплившей свечой. — Если Господь что-то требует, мы не вправе ему отказать, ибо только благодаря его трудам мы видим истинный путь к свету.

Он подержал ладонь над пламенем, кривясь от боли, потом отвел ее.

— Подумай о нашем месте для собраний, о нашей маленькой церкви. Пусть она сложена из саманного кирпича, пусть у нее соломенная крыша, но истинно верующие приходят туда каждое воскресенье, чтобы услышать слово Божье, проповедь, которую ты помогаешь сочинить. Теперь подумай о школе. Школе для детей поселенцев и каторжан, школе, в которой ты будешь директрисой.

Кейт прижалась спиной к стене и с тревогой посмотрела в сторону гостиной. Если сейчас она убежит, вполне возможно, ее никто не заметит. Если сейчас она убежит, свистящий ветер и дождь скроют следы ее ног, заглушат щелчок двери. Если сейчас она убежит, ее не обвинят в шпионстве, в проникновении в коттедж, в котором она не должна находиться, в пропаже какой-нибудь вещи — с непредсказуемыми последствиями.

— Отличительной чертой нашей школы будет элементарное просвещение. В меру наших скромных возможностей мы будем играть важную роль, пробуждая нравственность и религиозный долг, чтобы превратить обездоленных в верных

слуг, и в то же время мы позаботимся, чтобы они оставались в том же низком положении, в котором были рождены.

— Благотворительное заведение? — поинтересовалась Лесли.

— Для детей каторжан — да, с поселенцев следует брать определенную плату. Однако достаточно. Ты видишь, какая задача стоит перед нами в худшие времена. Господь придет к нам и спасет нас, но мы должны быть готовы.

Преподобный обогнул узкую кровать и жестом попросил мать встать.

— Теперь пойдем. Ты знаешь, о чем мы говорили, Лесли. Вместе со мной ты будешь служить Богу.

Лесли уставилась на свои руки, а потом медленно и неохотно подняла глаза на мужчину, который смотрел на нее сверху.

— А как же моя дочь?

Она встала с кровати, и шпильки посыпались на пол. Свет масляной лампы очертил ее тело, обнаженное под тонкой тканью сорочки. Почему она не возьмет накидку, чтобы скрыть наготу? Ведь если Кейт могла видеть тело матери, то мог и преподобный. Подняв подсвечник, он удерживал его рядом с лицом матери Кейт. Оливковая кожа и ясные глаза поблескивали, отражая пламя свечи. Лесли Картер вздернула подбородок с ямочкой.

— Ты мало чего боишься. — В вопрошающем тоне его голоса звучали и удивление и одобрение. — Наверное, такую силу дает тебе красота. Если это так, помни, моя дорогая, что ты увянешь, как цветок в один из летних дней. Хорошо бы тебе запомнить, что у женщин есть только одно качество, которое мужчина по-настоящему ценит, — почтительное послушание. Ты должна выработать в себе это качество. Ты должна молить Бога, чтобы он наставил тебя, потому что упрямство не будет вознаграждено ни на земле, ни в царстве Божиим. Упрямство, непослушание и прямолинейность неприемлемы, они не в ладах со слабым женским умом. Такое

поведение может ввергнуть тебя в состояние неопределенности, от которого нет лекарства. — Он потрогал передний зуб и облизал губы. — Тебе не помешало бы быть более сговорчивой и более благодарной. — Он провел пальцем вверх и вниз по ее обнаженной руке. — Как-никак, это ты умоляла меня взять Кейт. Как оба мы знаем, мне не нужны ни ребенок, ни еще одна служанка. Вполне достаточно хлопот с каторжанами.

— Мы рождены свободными, — вежливо напомнила Лесли преподобному, — и разве я не помогаю вам в работе? Разве я не делаю все, о чем вы меня просите, причем в двойной роли — и как секретарша, и как домоправительница? — Она помолчала. — Разве я не делаю все, что требуется, чтобы исполнять свой долг, и даже более того?

Преподобный кивнул, как бы оценивая сметливость женщины.

— Что ж, Кейт, конечно, будет жить с нами. — Он согласился так, как будто у него всегда был такой помысел. В порыве волнения Кейт укусила себя за костяшки пальцев. — В этой комнате, с тобой, — заверил он. — А в то время, когда ты будешь нужна, — он откашлялся, — ты, конечно, станешь приходить ко мне, как того хочет Бог.

— Однако вы на мне не женитесь? — прощупала почву Лесли.

Кейт не могла поверить своим ушам. Неужели мать действительно хочет, чтобы этот высокий худой мужчина с приплюснутым носом и неопрятными усами занял место ее отца?

— Разве мы об этом не говорили? Разве я не рассказал тебе о помехах, препятствующих такому союзу? Я бы подумал, что ты на коленях возблаговаришь Бога за свет, который он пролил на тебя, за все обильные блага, которыми ты осыпана с тех пор, как ты и твоя дочь оказались одни на свете, без родни, без мужа, без средств к существованию, лишенные дома. — Он повысил голос и поднял руку, как будто проповедуя в мазанке, в которой в течение рабочей

недели делали шляпы из листьев капустного дерева, а по воскресеньям отправляли службы.

— Вы надеетесь на лучший брак? — Лесли Картер вопросительно подняла бровь. — Разумеется, мне нужна некоторая уверенность в том, что моя репутация и репутация моей дочери останутся незапятнанными. Неужели вы предлагаете, чтобы я пошла на погибель, которая неминуемо ждет меня после соглашения такого рода?

— Молю тебя, Господь, помочь этой женщине понять, что Ты привел ее ко мне, чтобы помогать в трудах. Если она отвергает мое предложение после того, как я обеспечил ее домашним очагом, то я, в свою очередь, должен отказать ей и ее дочери. — Он сделал паузу и устремил на нее взгляд. — Считаю, что это взаимовыгодное соглашение.

Преподобный подошел к Лесли и коснулся ее груди под сорочкой.

— Это не означает, что я не могу изменить свое решение, — добавил он. — Кроме того, ты хочешь того, что я предлагаю. Я вижу это по твоим глазам, Лесли. Я вижу, что тебе нравится вести хозяйство, что идея о школе тебе по нраву. — Он положил руку на ее грудь. — Я вижу, как ты наслаждаешься такой жизнью, и ты мастерски справляешься с заданиями, которые я даю тебе.

Его рука приподняла ткань сорочки. Когда она исчезла под тонким хлопком, Лесли обхватила преподобного за плечо и прижалась к нему.

У Кейт расширились глаза.

— Есть еще и другая вещь, которая тебя томит, — женская похоть, и ее может удовлетворить только божий слуга. — Его голос стал хриплым. — Я вижу, как ты хочешь этого союза. Вступи в него, зная, что, служа мне, ты служишь Богу.

Пораженная, Кейт смотрела, как ее мать подняла воздушную ткань сорочки над головой. Сорочка упала на пол.

— Я буду заботиться о тебе и твоей дочери. Разве это не то, чего ты хочешь? — Преподобный наклонил подсвечник.

Горячий воск капнул на грудь матери, и та застонала. Она застонала так, как стонала с отцом Кейт. Громко. Достаточно громко, чтобы Кейт слышала своих родителей через тонкие стены их старого дома. Однако она никогда не видела их вместе. Так, как сейчас.

Преподобный задул свечу, поставил ее на комод рядом с масляной лампой и стал раздеваться. Он сказал Лесли, что она благословенна, а потом повалил ее на кровать.

Мать ждала, закинув руки за голову, как кошка, нежащаяся на солнце. Преподобный положил на кровать пистолет, который носил за поясом, сбросил брюки и медленно опустился на ее тело. Кейт была уверена, что он раздавит мать, но этого не случилось. Меж тем Лесли подняла ноги, и преподобный начал двигаться вперед и назад. Кейт видела, как такое делали двое каторжан, когда думали, что за ними никто не наблюдает. Когда Кейт начала пятиться, мать повернула голову и посмотрела ей в глаза. Кейт на мгновение зажмурилась, а потом бросилась бежать. Она пробежала через гостиную, выскочила под дождь и помчалась на теплую кухню, где свернулась калачиком перед очагом и плакала до тех пор, пока не заснула.

Літературно-художнє видання

АЛЕКСАНДЕР Ніколь

Дикі землі

Роман

(російською мовою)

Головний редактор *С. І. Мозгова*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *А. О. Колюбакина*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 23.04.2020.
Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 22,68.
Наклад 3000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24. E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у АТ «Харківська книжкова фабрика «Глобус»»
61052, м. Харків, вул. Різдвяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

АЛЕКСАНДЕР Николь

Дикие земли

Роман

Главный редактор *С. И. Мозговая*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *А. А. Колобакина*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 23.04.2020.
Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 22,68.
Тираж 3000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24. E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в АТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57

e-mail: trade@ksd.ua

Приглашаем к сотрудничеству авторов

e-mail: publish@ksd.ua

1837 рік, Австралія. Перші поселенці прибули сюди в пошуках нових плодючих земель. Вони претендують на територію, яка століттями належала тубільцям. Для тих білі люди — загарбники й експлуататори. Юна Кейт вірила, що аборигени — жорстокі й дикі, їхній світ — первісний хаос. Але все змінилося для неї після зустрічі з Бронзвіном... Молодий і палкий, він народився в сім'ї білих поселенців, але був вихований плем'ям аборигенів. І тепер він ладен померти за те, щоб захистити їхній світ від таких, як Кейт. Чужинці не стануть господарями цієї землі. Однак серед тих, кого він вважає своїми, Бронзвін — такий самий чужинець, біла ворона. Він хоче бути поряд із Кейт, там його істинне місце, його дім. На цих диких землях легко збитися зі шляху, не відрізнивши друга від ворога...

Александр Н.

А46 Дикі землі : роман / Николь Александр ; пер. с англ. В. Ско-робогатова. — Харькoв : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2021. — 432 с.

ISBN 978-617-12-7936-0

ISBN 978-1-74275-988-3 (англ.)

1837 год, Австралия. Первые поселенцы прибыли сюда в поисках новых плодородных земель. Они претендуют на территорию, что веками принадлежала туземцам. Для тех белые люди — захватчики и эксплуататоры. Юная Кейт верила, что аборигены — жестокие и дикие, их мир — первобытный хаос. Однако все изменилось для нее после встречи с Бронзвином... Молодой и пылкий, он родился в семье белых поселенцев, но был воспитан племенем аборигенов. И теперь он готов умереть за то, чтобы защитить их мир от таких, как Кейт. Чужакам не стать хозяевами этой земли. Однако среди тех, кого он считает своими, Бронзвин — такой же чужак, белая ворона. Он хочет быть рядом с Кейт, там его истинное место, его дом. На этих диких землях легко збитися с пути, не отличив друга от врага...

УДК 821(94)